
Мария Заламбани

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ
ПСИХОАНАЛИЗА В РОССИИ (1904–1930)¹

Предисловие

Психоанализ распространился в России гораздо быстрее, чем в большинстве стран Западной Европы и в США. В настоящее время данный факт признается учеными повсеместно, однако о причинах этого известно сравнительно немного. В последнее время было выдвинуто несколько гипотез культурного характера, объясняющих успех психоанализа в Серебряном веке (Эткинд, 1994. С. 41–79; Рождественский, 2009. С. 41–44) и подкрепленных довольно убедительной аргументацией, но до сих пор не существует работы по социальной истории, в которой метод психоанализа рассматривался бы в контексте социально-экономических процессов, менявших российское общество на рубеже веков. Если социокультурная история психоанализа в Европе и Америке уже была частично изучена (Besançon, 1975; Gay, 1999; Гай, 2016; Gay, 1985; Gay, 2002; 2016; Zaretsky, 2005), то ситуация с психоанализом в России до сих пор ждет своего исследования.

Как и многие другие ученые, мы убеждены в том, что определяющее значение в истории российского психоанализа имел культурный фактор, вплоть до того, что психоанализ, пользуясь литературоцентризмом российского общества, пытался распространить свой дискурс посредством художественной литературы (Сироткина, 2009. С. 132–134). Однако

Пер. с итал. К. Ланда.

¹ Впервые опубликовано: *Zalambani, M. La psicoanalisi russa fra marginalità e assimilazione (1904–1930)*. // *Europa Orientalis*. 2018. Vol. 37. P. 75–119.

Перевод источников на русский язык наш, за исключением отдельно оговоренных случаев.

одного этого недостаточно для объяснения скорости его распространения и глубины проникновения в общество. Думается, что здесь будет уместно привести некоторые соображения историко-социального характера, которые, возможно, помогут объяснить причины столь сильного увлечения методом Фрейда и обрисовать его связь с культурной жизнью России того времени. Следовало бы реконструировать такую социокультурную модель российской действительности, которая бы показала, как психоанализ на заре XX века взаимодействовал с поведенческими и ментальными схемами¹, изменившимися в процессе социально-экономического развития во второй половине XIX века.

Фрейданский дискурс в Европе был порождением культуры XIX столетия — времени расцвета буржуазии: «Фрейд был не только ниспровергателем культуры, но и ее детищем», утверждает П. Гай (Gay, 1999. P. 168). То была эпоха великих перемен, начавшихся уже в первые годы XIX века: ускорения, развития техники, железных дорог, урбанизации, масштабных миграций, зарождения современных форм торговой и промышленной организации. Все эти перемены были дестабилизирующими и затрагивали, в числе прочего, «науку, медицину, экономику, политику, правительство», а также проявления сексуальности (Gay, 2002. P. 143–144). Все они влияли на жизнь индивидуума, отражаясь в первую очередь на образе жизни буржуазии. Но перемены породили и тревогу, а осознание тревожного состояния целого социума привело к тому,

¹ Об этом взаимодействии писал сам Фрейд в «Психологии масс и анализе Я»: «Но и массовая душа способна на гениальные духовные творения, как это доказывают прежде всего сам язык, затем народная песня, фольклор и другое. И, кроме того, остается нерешенным, насколько отдельный мыслитель или поэт обязан стимулам массы, в которой он живет, не является ли он скорее завершителем душевной работы, в которой одновременно участвовали и другие» (Фрейд, 1921. С. 78).

Труды Фрейда цитируются по: *Фрейд, З.* Собрание сочинений: В 26 т. / под ред. М.М. Решетникова. СПб.: Вост.-Европ. ин-т психоанализа; в настоящий момент опубликованы тома с первого по пятый (2005–2012); цитаты из не вошедших в данные тома сочинений Фрейда приводятся по изданию: *Фрейд, З.* Собрание сочинений: В 10 т. М.: ООО Фирма СТД, 2003–2008.

что начали подниматься серьезные вопросы о причинах этого состояния. Вокруг этих вопросов завязалась полемика, на фоне которой особо выделилось абсолютно оригинальное, революционное решение Фрейда. Признавая, подобно своим современникам, что «невротизм» — исторический феномен, характеризующий его время, он не согласился с предлагаемой ими этиологией (как правило, наследственно-генетической) и выдвинул гипотезу о том, что тревога является симптомом подавляемых проблем (Gay, 2002. P. 129–154). Таким образом, Фрейд утверждал, что за ментальными процессами скрываются еще неизвестные нам механизмы, которые относятся не к сфере рассудка, а к динамическому бессознательному; низводя рассудок с пьедестала, он способствовал усугублению невротизма, страха и ожесточенного сопротивления.

В этом контексте и в качестве ответа на эти вопросы зарождалась и развивалась западная теория психоанализа. В России, как и в Европе, эксперимент Фрейда был продуктом и одновременно — хотя бы отчасти — ключом к истолкованию буржуазной культуры. Эпоха великих перемен наступила и в России во второй половине столетия. Это время считали источником тревог как психиатры, видевшие в реформах причину многих нервных и душевных заболеваний, так и консервативно настроенные представители правительства, усматривавшие в преобразованиях причину кризиса и упадка в тогдашнем обществе. Великие реформы начались после 1861 года, главным образом по инициативе «просвещенной бюрократии»¹, и привели к формированию нового общественно-политического строя. Это стало причиной кризиса помещичьей знати и создало предпосылки для нового социального расслоения. Перемены способствовали появлению новой буржуазии, отличавшейся по своим при-

¹ Начиная с 30-х годов XIX века, в государственных канцеляриях начал формироваться класс молодых чиновников, так называемых просвещенных бюрократов, которые, сознавая неэффективность бюрократического аппарата царской власти и будучи гораздо образованнее своих предшественников, тщательно исследовали ситуацию в российских провинциях, собирали данные и разрабатывали план изменений, что впоследствии привело к осуществлению реформ (Lincoln, 1993).

знакам от западного буржуазного класса, но уже имевшей новую ментальность¹, значительное влияние на которую оказала западная культура, пронизанная «бессознательными тревогами» нового среднего класса, что усиливались под давлением окружающей действительности:

Между тем как взгляды, характерные для западного общества XIX века, формировались под воздействием бессознательных желаний и тревог, давление экономики и медицины, среди прочего, должно было занять определенное место в развитии буржуазного стиля жизни. Этот стиль оказался пронизан чувственностью и в то же время сам насквозь пронизывал ее, захватывая ее территорию. Он открывал новые возможности для сексуальных чувств и действий и одновременно накладывал ограничения и на то, и на другое. <...> Говоря вкратце, «Я», то есть часть психического аппарата, обращенная к внешней реальности, было подавлено количеством информации, намного превышавшим то, которое оно могло бы выдержать (Gay, 1999. P. 226).

Российская интеллигенция, значительную часть которой на тот момент составляла буржуазия, воспитывалась на этой культуре и пыталась пересадить ее на почву отечественной действительности, к тому времени уже пережившей потрясения, связанные с процессами социального, экономического, а отчасти и политического развития, которыми сопровождалась эпоха великих реформ. На этой почве и привился психоанализ Фрейда, а эпоха перемен, в свою очередь, стала плодотворной областью исследований для психоанализа, всегда готового изучать какие-либо изменения.

Предмет настоящей работы — причины, специфические черты и субъекты рецепции и распространения фрейдянско-

¹ Все историки (за исключением некоторых советских ученых) сходятся на том, что в России отсутствовала настоящая буржуазия, хотя и расходятся в интерпретациях этого феномена. Так, Пипс (Pipes), по сравнению с европейской моделью, выделяет специфические черты общественных сословий в России, а Миронов подчеркивает аналогии последних с западной моделью (Ср. Pipes, 1995; Миронов, 1999). В целом, развитие российской буржуазии следует рассматривать в контексте системы «сословий» (Иванова, Желтова, 2009. С. 405–512; Rieber, 1993; Миронов, 2014. I. С. 323–504).

го дискурса в России. Разумеется, в рамках статьи невозможно ответить на все вопросы, которые ставит исследование такого типа: они должны стать предметом изучения в более полном труде, которым нам хотелось бы заняться в будущем. В данной статье мы ограничимся попыткой дать первичную периодизацию распространения метода психоанализа в течение первого тридцатилетия XX века в России, придерживаясь диалектической модели «маргинальность/ассимиляция», предложенной американским ученым Эли Зарецким (Zaretsky, 2005. P. 64–90).

МАРГИНАЛЬНОСТЬ И АССИМИЛЯЦИЯ ПСИХОАНАЛИЗА В РОССИИ

Переход от царской России к советской эпохе стал важнейшим этапом в истории психоанализа. В процессе распространения метода Фрейда стадия маргинальности довоенных лет сменилась стадией ассимиляции в советское время. Промежуточным периодом между этими двумя стадиями стали годы международного конфликта и революции 1917 года.

Положение психоанализа в России значительно отличалось от ситуации в Европе и в Америке. И на старом, и на новом континентах этот метод зародился как ответ на животрепещущие вопросы буржуазии и был продуктом буржуазной культуры, сложившейся в XIX веке (Gay, 1999). В Европе психоанализ выполнял преимущественно критическую функцию и, «как и любое проявление “модерности”, утверждался *в оппозиции* к прежнему традиционному патриархальному строю» (Zaretsky, 2005. P. 66), а в США, где традиционные институты власти были слабыми и преобладала тяга к массовому демократическому обществу, психоанализ из критики системы превратился в терапевтический инструмент для улучшения индивидуального состояния. «Таким образом, общая история психоанализа географически дифференцирована: для психоанализа были характерны ассимиляция в США и маргинальность в Европе» (Ibid. P. 67).

Российско-советская действительность представляла собой совершенно иной контекст. В России новые средние